

русская культура изначально развивалась на собственной основе (в отличие, скажем, от США).

И в заключение. Да, сейчас, по мнению многих, в нашей культуре господствует посредственность (к тому же, начиная с 1990 г. часто уходят из жизни высокотворческие люди). Но таланты рождаются, и будет время, когда они станут доминирующими, олицетворяя нашу культуру на новом витке. К. Г. Паустовский писал: «...Счастлив за наш народ, за нашу литературу, за то, что есть люди, способные сохранить и умножить все то, что досталось нам от предков наших – от Пушкина до Бунина. Велик Бог земли русской».

¹ См. *Халипов А. Х.* 500 русских фамилий болгаро-татарского происхождения. Казань, 1992.

ЛИБЕРАЛЬНО-КОНСЕРВАТИВНАЯ ПЕРСПЕКТИВА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

А. С. Федотов

*Саратовский государственный социально-экономический
университет*

В настоящее время российское общество находится в критическом состоянии, характеризующемся в первую очередь распадом культурных оснований общественного бытия. Истинные причины российского кризиса, вне всякого сомнения, лежат в провале реформ, изначально predetermined серьезными ошибками модернизационного проекта, его неадекватностью условиям России. В реальности ей был навязан цивилизационный переворот, в котором социально-экономические и политические преобразования были подчинены задачам изменения базовых социокультурных архетипов российской цивилизации. Фактически страну начали реформировать исходя из цивилизационного идеала, воплощением которого явилась культура Запада, и поэтому суть преобразований заключалась не в том, чтобы создать в России государство, общество, в конце концов – граждан в чем-то лучше, а в том, что она должна была стать в конечном итоге просто иной.

Отсюда полномасштабный системный кризис, в основе которого лежит кризис именно идентичности. И следовательно, дело здесь не в соб-

ственности и власти, не в уровне и качестве жизни, а в смыслах и ценностях жизни, в базовых основаниях той или иной культуры¹. Поэтому выход из сложившейся ситуации видится в восстановлении и укреплении системы архетипов социальности, т. е. всего того, что придает любому культурно-цивилизационному типу самодостаточность и самоценность. Выбор, перед которым сейчас стоит Россия, имеет универсальный цивилизационный смысл, затрагивающий все стороны жизни общества, способы деятельности человека и формы отношений между людьми. Одним словом, общество более всего нуждается в самоидентификации, которая достигается лишь в процессе социокультурной реставрации.

Вместе с тем в современных условиях социокультурный процесс должен с необходимостью включать в себя и жизненно важные изменения, связанные с рационализацией частной и общественной деятельности индивидов и наращиванием степеней свободы человека. Однако все инновации должны входить в жизнь как бы эволюционно, сохраняя непрерывность человеческого бытия, социальных и культурных идентификаций, типов солидарности и исторически сложившихся социальных практик.

Данная минимизация социальных издержек социокультурной трансформации возможна лишь при опоре на либерально-консервативное миропонимание, которое, пожалуй, единственное способно придать индивидуальную специфику модернизируемому обществу. Воплощение в российской реальности универсальных ценностей, которые пронизывают все цивилизационное многообразие человечества и которые действительно объединяют нас в единое целое, достижимо только через конкретное, национально-специфическое и самобытное – то, что либеральные консерваторы называли единением «почвы» и «цивилизации».

Гуманистически ориентированная социокультурная трансформация признает социальную жизнь продуктом исторической традиции, поскольку реально существует преемственность нравов, быта, религии, экономических отношений, государственно-правовых норм и т. п., то есть своеобразная «органика» исторической жизни того или иного народа. А ее отрицание неизбежно ведет к столкновению с культурой общества и, как следствие, к отторжению массами или искажению до неузнаваемости замысла реформаторов в процессе реализации. И в этом отношении как бы заново самостратифицирующееся общество также будет исходить из базовых, исконных норм и ценностей, свойственных российской культуре, из тех фоновых практик, «которые придают смысл важным ценностным понятиям, таким, как демократия, свобода, справедливость...»². А сам процесс дальнейшего развития просто невозможен без духовно-нравственного оздоровления народа, без активной политики сильного государства,

пока еще выступающего необходимым условием осуществления свободы и прав индивида.

Таким образом, преодолевая реформаторские псевдометафизические абстракции и возвращаясь к конкретным проблемам развития России, нельзя пренебрегать исторической почвой. И здесь можно сказать, что весь опыт России свидетельствует о способности страны воспринимать действительно ценные реформаторские начинания. Именно благодаря этому свойству страна смогла жить и развиваться в самых тяжелых исторических обстоятельствах. С этим связан и свойственный ей мобилизационный тип развития, который складывался под непосредственным воздействием сложных природно-климатических условий, огромного пространства и постоянной угрозы со стороны внешних врагов, всего того, что И. Солоневич определил «сквозняком» между Европой и Азией. В этих условиях российскому обществу приходилось постоянно напрягать все свои силы в борьбе за выживание, подчиняя частные интересы государственным и ограничивая личную свободу своих граждан. Государство, по мнению П. Струве, было тем организмом, который «во имя культуры подчиняет народную жизнь началу дисциплины, основному условию государственной мощи»³. Из этого же источника произрастает и самобытный русский духовный коллективизм, который С. Франк определил, вслед за славянофилами, как «соборность». Он пояснил, что этот коллективизм, несмотря на то, что противостоит индивидуализму, отнюдь не враждебен понятиям личной свободы и индивидуальности, а наоборот, мыслится как его крепкая основа. Соборность, по его мнению, это внутренняя гармония между живой личной душевностью и надындивидуальным единством, общий порядок и совместное пользование всеми благами жизни для всех граждан⁴.

И в этом смысле коллективизм, понятый как соборность, имел глубокие корни в «бытовом демократизме» (Н. Лосский), в демократизме культурных традиций, в национальном характере народа, в огромном значении темы свободы в истории русской социально-философской мысли и, наконец, в критическом отношении к западной демократии как русских «европейцев», так и отверженцев «почвы».

Мощь и прочность коллективистской традиции в России была такова, что ее не смогли поколебать ни петровские реформы, ни последующее двухсотлетнее развитие дворянской России с ее господствующей европейской культурой. В основной массе населения, в среде крестьян, распространена была иная культура, которая отличалась от официальной «буквально всем»⁵. И эта вторая, негосударственная, негосподствующая, но самая массовая, субкультура России мощно проявилась в первой чет-

верти двадцатого столетия. И есть все основания полагать, что в настоящее время традиционные русские ценности как в рамках собственного бытия, так и в форме ценностей советского общества также по-прежнему остаются широко распространенными в общественном сознании.

Именно в понимании подобных фундаментальных основ русской жизни отечественная либерально-консервативная традиция может дать очень многое и тем самым будет предельно полезна в определении реальных и благотворных для России целей развития. Само по себе сочетание либерализма с национальным самосознанием может быть вполне органичным⁶. Они дополняют друг друга и, взаимодействуя, порождают весьма сложные смешанные формы, содержание которых зависит уже не только от инвариантных «ядер» культуры, сколько от всей совокупности национальных, культурно-исторических и ситуационных свойств и особенностей. В нашем же случае особую важность имеет то обстоятельство, что для большинства соотечественников последние пятнадцать лет стали временем ценностного слома и очень болезненной перестройкой базисных факторов национальной жизни.

И если либеральная идея в конечном своем значении – это идея максимальной индивидуальной свободы, разумеется, в рамках закона, то в массовом сознании наших россиян преобладают такие образы свободы, которые далеко не совпадают с образцами классического либерализма. Результаты многочисленных эмпирических исследований, проведенные самыми разными социологическими организациями, свидетельствуют об этом весьма впечатляюще. По мнению Ю. Левады, общество в последние годы неизменно отдает приоритет двум ценностям – стабильности и порядку. Причем этого же хотят новые политические и хозяйственные элиты, даже если придется пожертвовать некоторыми «излишествами». В целом, по его данным, на октябрь 2000 г. только 28 % опрошенных полагают, что дела в России идут в правильном направлении, а большинство (52 %) разделяют позицию о тупиковости проводимой политики⁷.

По данным РИСиНП (март – апрель 2000 г.) идее сильного государства отдадут предпочтение 94,9 % сторонников коммунистов, 80,7 % – русских националистов, а 81,4 % сторонников «Единства» видят реализацию этой идеи в сильном президенте. Ученые РИСиНП также констатируют, что «советская парадигма» не только не разрушилась, но и не поддается вытеснению из массового сознания. Так, доля россиян, считающих, что «западная демократия, индивидуализм и либерализм – это ценности, которые нам не подходят», составляет в возрастных категориях 25–35, 36–45, 46–55, 56–65 лет соответственно 40,7; 49,4; 52,5; 62,9 %. Число сторонников прямого государственного управления базис-

выми отраслями экономики (транспорт, энергетика) превышает 80 %. Большинство соотечественников поддерживает расширение круга регулируемых цен, пересмотр итогов приватизации и восстановление элементов государственного планирования. И, пожалуй, самое примечательное заключается в том, что после 1998 г. сглаживается разрыв в позициях и ценностях между старшими и молодыми поколениями: вырастить поколение «пепси» не удалось⁸.

Таким образом, современный российский социальный ландшафт однозначно показывает, что переход в России к свободному обществу может произойти лишь на основе того смысла, который вкладывают в понимание свободы и личных прав основные группы российского населения, хотя оно и представляет собой своеобразный социальный гибрид, сложившийся из советского прошлого, западного либерализма и русского традиционализма. Главное же, что основная масса народа пока живет по нормам советского общества, и для нее по-прежнему важны историческая традиция, стабильность жизненных позиций, доступность профессионально-трудовой деятельности, а также социальных гарантий в области образования, здравоохранения, пенсионного обеспечения и т. п.

Данная ситуация, по нашему мнению, не является социологическим проявлением ностальгической доминанты, вызванной крайне жесткими новыми социально-экономическими реалиями, а есть по своей сути либерально-консервативная российская самоидентификация, с ее сохранением и обновлением основ российского образа жизни, приоритетом социальных интересов в виде обновленных ценностей коллективности, солидарности, широкими возможностями апелляции к государственным структурами. И в этом отношении либеральный консерватизм учитывает параметры российской народной культуры, которые предопределяют возможные границы изменений и ставят пределы возможным изменениям. Иными словами, в настоящее время речь идет о выработке способности общества в лице власти к становлению и развитию новых форм своего диалога с личностью.

¹ См.: *Лантин В., Лапкин В.* Ценностные ориентации россиян в 90-е годы // *Pro et contra.* 1999. Т. 4, № 2. С. 144.

² *Волков В. В.* Советская цивилизация как повседневная практика: возможности и пределы трансформации // *Куда идет Россия?..* М., 1997. С. 326.

³ *Струве П. Б.* Из размышлений о проблеме русского могущества // *Вопросы философии.* 1992. № 12. С. 68.

⁴ См.: *Франк С. Л.* Русское мировоззрение // *Франк С. Л.* Духовные основы общества. М., 1992. С. 487.

⁵ См.: *Ключеский В. О.* Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 363.

⁶ См.: *Френкин А. А.* Национал-либерализм // Вопросы философии. 1999. № 1. С. 19.

⁷ См.: *Левада Ю.* Испытанный срок: время пошло // НГ – Сценарии. 2000. № 7; № 10.

⁸ См.: *Королев С.* Долгие проводы советской эпохи // НГ – Сценарии. 2001. № 1, а также см.: *Журавлева Л. К., Журавлев В. В.* Общественно-политические движения России: конфликт истории и современности // Либеральный консерватизм: история и современность. М., 2001. С. 107; *Дилigentский Г.* Политика и общественные мнение в России // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 10. С. 48–49; *Шабанова М. А.* Образы свободы в реформируемой России // Социологические исследования. 2000. № 2. С. 34.